

Глава первая

Семья Робинзона. – Его побег из родительского дома



С самого раннего детства я больше всего на свете любил море. Я завидовал каждому матросу, отправлявшемуся в дальнее плавание. По целым часам я простаивал на морском берегу и не отрывая глаз рассматривал корабли, проходившие мимо.

Моим родителям это очень не нравилось. Отец, старый, больной человек, хотел, чтобы я сделался важным чиновником, служил в королевском суде и получал большое жалованье. Но я мечтал о морских путешествиях. Мне казалось величайшим счастьем скитаться по морям и океанам.

Отец догадывался, что у меня на уме. Однажды он позвал меня к себе и сердито сказал:

– Я знаю: ты хочешь бежать из родного дома. Это безумно. Ты должен остаться. Если ты останешься, я буду тебе добрым отцом, но горе тебе, если ты убежишь! – Тут голос у него задрожал, и он тихо прибавил: – Подумай о больной матери... Она не вынесет разлуки с тобою.

В глазах у него блеснули слёзы. Он любил меня и хотел мне добра.

Мне стало жаль старика, я твёрдо решил остаться в родительском доме и не думать более о морских путешествиях. Но увы! – прошло несколько дней, и от моих добрых намерений ничего не осталось. Меня опять потянуло к морским берегам. Мне стали сниться мачты, волны, паруса, чайки, неизвестные страны, огни маяков.

Через две-три недели после моего разговора с отцом я всё же решил убежать. Выбрав время, когда мать была весела и спокойна, я подошёл к ней и почтительно сказал:

– Мне уже восемнадцать лет, а в эти годы поздно учиться судейскому делу. Если бы даже я и поступил куда-нибудь на службу, я всё равно через несколько дней убежал бы в далёкие страны. Мне так хочется видеть чужие края, побывать и в Африке, и в Азии! Если я и пристроюсь к какому-нибудь делу, у меня всё равно не хватит терпения довести его до конца. Прошу вас, уговорите отца отпустить меня в море хотя бы на короткое время, для пробы; если жизнь моряка не понравится мне, я вернусь домой и больше никуда не уеду. Пусть отец отпустит меня добровольно, так как иначе я буду вынужден уйти из дому без его разрешения.

Мать очень рассердилась на меня и сказала:

– Удивляюсь, как можешь ты думать о морских путешествиях после твоего разговора с отцом! Ведь отец требовал, чтобы ты раз навсегда позабыл о чужих краях. А он лучше тебя понимает, каким делом тебе заниматься. Конечно, если ты хочешь себя погубить, уезжай хоть сию минуту, но можешь быть уверен, что мы с отцом никогда не дадим согласия на твоё путешествие. И напрасно ты надеялся, что я стану тебе помогать. Нет, я ни слова не скажу отцу о твоих бессмысленных мечтах. Я не хочу, чтобы впоследствии, когда жизнь на море доведёт тебя до нужды и страданий, ты мог упрекнуть свою мать в том, что она потакала тебе.

Потом, через много лет, я узнал, что матушка всё же передала отцу весь наш разговор, от слова до слова. Отец был опечален и сказал ей со вздохом:

– Не понимаю, чего ему нужно? На родине он мог бы без труда добиться успеха и счастья. Мы люди небогатые, но кое-какие средства у нас есть. Он может жить вместе с нами, ни в чём не нуждаясь. Если же он пустится странствовать, он испытает тяжкие невзгоды и пожалеет, что не послушался отца. Нет, я не могу отпустить его в море. Вдали от родины он будет одинок, и, если с ним случится беда, у него не найдётся друга, который мог бы утешить его. И тогда он раскается в своём безрассудстве, но будет поздно!

И всё же через несколько месяцев я бежал из родного дома. Произошло это так. Однажды я поехал на несколько дней в город Гулль. Там я встретил одного приятеля, который собирался отправиться в Лондон на корабле своего отца. Он стал уговаривать меня ехать вместе с ним, соблазняя тем, что проезд на корабле будет бесплатный.

И вот, не спросившись ни у отца, ни у матери, – в недобрый час! – 1 сентября 1651 года я на девятнадцатом году жизни сел на корабль, отправлявшийся в Лондон.

Это был дурной поступок: я бессовестно покинул престарелых родителей, пренебрёг их советами и нарушил сыновний долг. И мне очень скоро пришлось раскаяться в том, что я сделал.

Глава вторая

Первые приключения на море

Не успел наш корабль выйти из устья Хамбера, как с севера подул холодный ветер. Небо покрылось тучами. Началась сильнейшая качка.

Я никогда ещё не бывал в море, и мне стало худо. Голова у меня закружилась, ноги задрожали, меня затошнило, я чуть не упал. Всякий раз, когда на корабль налетала большая волна, мне казалось, что мы сию минуту утонем. Всякий раз, когда корабль падал с высокого гребня волны, я был уверен, что ему уже никогда не подняться.

Тысячу раз я клялся, что, если останусь жив, если нога моя снова ступит на твёрдую землю, я тотчас же вернусь домой к отцу и никогда за всю жизнь не взойду больше на палубу корабля.

Этих благоразумных мыслей хватило у меня лишь на то время, пока бушевала буря.

Но ветер стих, волнение улеглось, и мне стало гораздо легче. Понемногу я начал привыкать к морю. Правда, я ещё не совсем отделался от морской болезни, но к концу дня погода прояснилась, ветер совсем утих, наступил восхитительный вечер.

Всю ночь я проспал крепким сном. На другой день небо было такое же ясное. Тихое море при полном безветрии, все озарённое солнцем, представляло такую прекрасную картину, какой я ещё никогда не видал. От моей морской болезни не осталось и следа. Я сразу успокоился, и мне стало весело. С удивлением я оглядывал море, которое ещё вчера казалось буйным, жестоким и грозным, а сегодня было такое кроткое, ласковое.

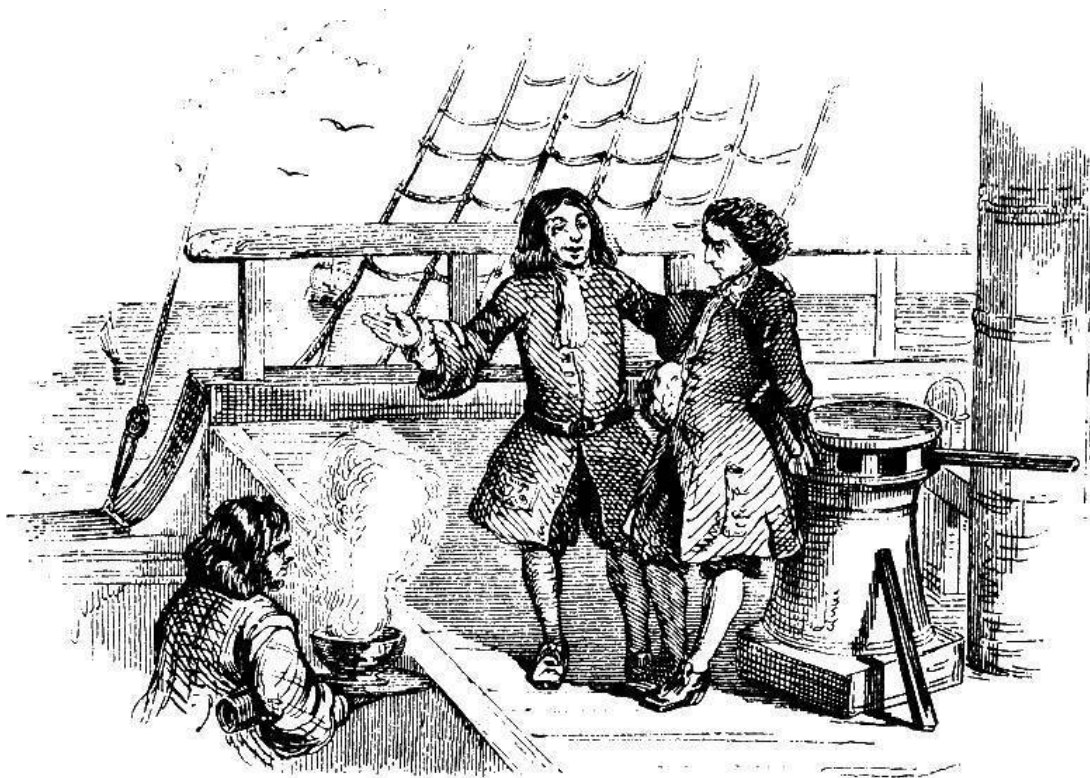
Тут, как нарочно, подходит ко мне мой приятель, соблазнивший меня ехать вместе с ним, хлопает по плечу и говорит:

– Ну, как ты себя чувствуешь, Боб? Держу пари, что тебе было страшно. Признавайся: ведь ты очень испугался вчера, когда подул ветерок?

– Ветерок? Хорош ветерок! Это был бешеный шквал. Я и представить себе не мог такой ужасной бури!

– Бури? Ах ты, глупец! По-твоему, это буря? Ну, да ты в море ещё новичок: не мудрено, что испугался... Пойдём-ка лучше да прикажем подать себе пуншу, выпьем по стакану и позабудем о буре. Взгляни, какой ясный день! Чудесная погода, не правда ли?

Чтобы сократить эту горестную часть моей повести, скажу только, что дело пошло, как обыкновенно у моряков: я напился пьян и утопил в вине все свои обещания и клятвы, все свои похвальные мысли о немедленном возвращении домой. Как только наступил штиль и я перестал бояться, что волны проглотят меня, я тотчас же позабыл все свои благие намерения.



На шестой день мы увидели вдали город Ярмут. Ветер после бури был встречный, так что мы очень медленно подвигались вперёд. В Ярмуте нам пришлось бросить якорь. Мы простояли в ожидании попутного ветра семь или восемь дней.

В течение этого времени сюда же пришло много судов из Ньюкасла. Мы, впрочем, не простояли бы так долго и вошли бы в реку вместе с приливом, но ветер становился все свежее, а дней через пять задул изо всех сил.

Так как на нашем корабле якоря и якорные канаты были крепкие, наши матросы не выказывали ни малейшей тревоги. Они были уверены, что судно находится в полной безопасности, и, по обычаю матросов, отдавали все своё свободное время весёлым развлечениям и забавам.

Однако на девятый день к утру ветер ещё посвежел, и вскоре разыгрался страшный шторм. Даже испытанные моряки были сильно испуганы. Я несколько раз слышал, как наш капитан, проходя мимо меня то в каюту, то из каюты, бормотал вполголоса: «Мы пропали! Мы пропали! Конец!»

Всё же он не терял головы, зорко наблюдал за работой матросов и принимал все меры, чтобы спасти свой корабль.

До сих пор я не испытывал страха: я был уверен, что эта буря так же благополучно пройдёт, как и первая. Но когда сам капитан заявил, что всем нам пришёл конец, я страшно испугался и выбежал из каюты на палубу. Никогда в жизни не приходилось мне видеть столь ужасное зрелище. По морю, словно высокие горы, ходили громадные волны, и каждые три-четыре минуты на нас обрушивалась такая гора.

Сперва я оцепенел от испуга и не мог смотреть по сторонам. Когда же наконец я осмелился глянуть назад, я понял, какое бедствие разразилось над нами. На двух тяжело гружённых судах, которые стояли тут же неподалёку на якоре, матросы рубили мачты, чтобы корабли хоть немного освободились от тяжести.

Кто-то крикнул отчаянным голосом, что корабль, стоявший впереди, в полумиле от нас, сию минуту исчез под водой.

Ещё два судна сорвались с якорей, буря унесла их в открытое море. Что ожидало их там? Все их мачты были сбиты ураганом.

Мелкие суда держались лучше, но некоторым из них тоже пришлось пострадать: два-три судёнышка пронесло мимо наших бортов прямо в открытое море.

Вечером штурман и боцман пришли к капитану и заявили ему, что для спасения судна необходимо срубить фок-мачту¹.

– Медлить нельзя ни минуты! – сказали они. – Прикажите, и мы срубим её.

– Подождём ещё немного, – возразил капитан. – Может быть, буря уляжется.

Ему очень не хотелось рубить мачту, но боцман стал доказывать, что, если мачту оставить, корабль пойдёт ко дну, – и капитан поневоле согласился.

А когда срубили фок-мачту, грот-мачта² стала так сильно качаться и раскачивать судно, что пришлось срубить и её.

Наступила ночь, и вдруг один из матросов, спускавшийся в трюм, закричал, что судно дало течь. В трюм послали другого матроса, и он доложил, что вода поднялась уже на четыре фута³.

Тогда капитан скомандовал:

– Выкачивай воду! Все к помпам⁴!

Когда я услышал эту команду, у меня от ужаса замерло сердце: мне показалось, что я умираю, ноги мои подкосились, и я упал навзничь на койку. Но матросы растолкали меня и потребовали, чтобы я не отлынивал от работы.

– Довольно ты бездельничал, пора и потрудиться! – сказали они.

Нечего делать, я подошёл к помпе и принялся усердно выкачивать воду.

В это время мелкие грузовые суда, которые не могли устоять против ветра, подняли якоря и вышли в открытое море.

Увидев их, наш капитан приказал выпалить из пушки, чтобы дать им знать, что мы находимся в смертельной опасности. Услышав пушечный залп и не понимая, в чём дело, я вообразил, что наше судно разбилось. Мне стало так страшно, что я лишился чувств и упал. Но в ту пору каждый заботился о спасении своей собственной жизни, и на меня не обратили внимания. Никто не поинтересовался узнать, что случилось со мной. Один из матросов стал к помпе на моё место, отодвинув меня ногою. Все были уверены, что я уже мёртв. Так я пролежал очень долго. Очнувшись, я снова взялся за работу. Мы трудились не покладая рук, но вода в трюме поднималась всё выше.

Было очевидно, что судно должно затонуть. Правда, шторм начинал понемногу стихать, но для нас не предвиделось ни малейшей возможности продержаться на воде до той поры, пока мы войдём в гавань. Поэтому капитан не переставал палить из пушек, надеясь, что кто-нибудь спасёт нас от гибели.

Наконец ближайшее к нам небольшое судно рискнуло спустить шлюпку, чтобы подать нам помощь. Шлюпку каждую минуту могло опрокинуть, но она всё же приблизилась к нам. Увы, мы не могли попасть в неё, так как не было никакой возможности причалить к нашему кораблю, хотя люди гребли изо всех сил, рискуя своей жизнью для спасения нашей. Мы бросили им канат. Им долго не удавалось поймать его, так как буря относила его в сторону. Но, к счастью, один из смельчаков изловчился и после многих неудачных попыток схватил канат за самый конец. Тогда мы подтянули шлюпку под нашу корму и все до одного спустились в неё.

¹ Фок-мачта – передняя мачта.

² Грот-мачта – средняя мачта.

³ Фут – английская мера длины, около трети метра.

⁴ Помпа – насос для выкачивания воды.

Мы хотели было добраться до их корабля, но не могли сопротивляться волнам, а волны несли нас к берегу. Оказалось, что только в этом направлении и можно грести.

Не прошло и четверти часа, как наш корабль стал погружаться в воду.

Волны, швырявшие нашу шлюпку, были так высоки, что из-за них мы не видели берега. Лишь в самое короткое мгновение, когда нашу шлюпку подбрасывало на гребень волны, мы могли видеть, что на берегу собралась большая толпа: люди бегали взад и вперед, готовясь подать нам помощь, когда мы подойдём ближе. Но мы подвигались к берегу очень медленно.

Только к вечеру удалось нам выбраться на сушу, да и то с величайшими трудностями.

В Ярмут нам пришлось идти пешком. Там нас ожидала радужная встреча: жители города, уже знавшие о нашем несчастье, отвели нам хорошие жилища, угостили отличным обедом и снабдили нас деньгами, чтобы мы могли добраться куда захотим – до Лондона или до Гулль.

Неподалёку от Гулль был Йорк, где жили мои родители, и, конечно, мне следовало вернуться к ним. Они простили бы мне самовольный побег, и все мы были бы так счастливы!

Но безумная мечта о морских приключениях не покидала меня и теперь. Хотя трезвый голос рассудка говорил мне, что в море меня ждут новые опасности и беды, я снова стал думать о том, как бы мне попасть на корабль и объездить по морям и океанам весь свет.

Мой приятель (тот самый, отцу которого принадлежало погибшее судно) был теперь угрюм и печален. Случившееся бедствие угнетало его. Он познакомил меня со своим отцом, который тоже не переставал горевать об утонувшем корабле. Узнав от сына о моей страсти к морским путешествиям, старик сурово взглянул на меня и сказал:

– Молодой человек, вам никогда больше не следует пускаться в море. Я слышал, что вы трусливы, избалованы и падаете духом при малейшей опасности. Такие люди не годятся в моряки. Вернитесь скорее домой и примиритесь с родными. Вы сами на себе испытали, как опасно путешествовать по морю.

Я чувствовал, что он прав, и не мог ничего возразить. Но всё же я не вернулся домой, так как мне было стыдно показаться на глаза моим близким. Мне чудилось, что все наши соседи будут издеваться надо мной; я был уверен, что мои неудачи сделают меня посмешищем всех друзей и знакомых.

Впоследствии я часто замечал, что люди, особенно в молодости, считают зазорными не те бессовестные поступки, за которые мы зовём их глупцами, а те добрые и благородные дела, что совершаются ими в минуты раскаяния, хотя только за эти дела и можно называть их разумными. Таким был и я в ту пору. Воспоминания о бедствиях, испытанных мною во время кораблекрушения, мало-помалу изгладились, и я, прожив в Ярмуте две-три недели, поехал не в Гулль, а в Лондон.